

ОТЗЫВ официального оппонента

доктора исторических наук Омелянчука Игоря Владимировича
на диссертацию Стогова Дмитрия Игоревича на тему:
«Правые салоны и кружки и проблема их влияния на властные
структуры Российской империи (1914 – февраль 1917 г.)
по специальности 5.6.1. Отечественная история
на соискание ученой степени доктора исторических наук

Один из самых спорных вопросов в российской истории – какую роль сыграли так называемые «темные силы», чаще именуемые на испанский манер «камарильей», в политических процессах начала XX в., завершившихся крушением самодержавия и гибелью Российской империи. Представители «камарильи», в отличие от бюрократии, как правило, не имели официальных должностей, но, тем не менее, пытались направлять ход государственной машины по своему разумению и вкусу. Пожалуй, единственным институциональным выражением пресловутой «камарильи», являлись политические салоны, ставшие объектом исследования Д. И. Стогова. В этом свете актуальность рецензируемого диссертационного исследования очевидна.

Не вызывает сомнений и научная новизна данной работы, являющейся первой в историографии и вполне удачной попыткой исследовать деятельность правых салонов и кружков, а также выявить степень их влияния на политические процессы в России.

Заявленная автором методология исследования в целом соответствует заявленной цели научной работы и позволяет решить поставленные исследовательские задачи. А опора на принципы историзма и объективности обеспечивает необходимую достоверность полученных результатов. Последняя также обеспечивается привлечением к исследованию широкого круга источников и их научной критикой. Корректно определены объект и

предмет диссертационного исследования, а также его цели, задачи и хронологические рамки.

Историографический обзор, проделанный автором, демонстрирует не только его знакомство с массивом литературы по заявленной проблеме, но и умение критически анализировать и корректно использовать достижения своих предшественников. В частности, автор совершенно справедливо отнесся с некоторой долей скепсиса к трудам А. П. и Д. А. Коцюбинских (С. 47).

Корпус источников, задействованный Д. И. Стоговым для проведения своего исследования, весьма внушителен. Автор использовал в диссертации многочисленные документы, отложившиеся в 10 (!) архивохранилищах Санкт-Петербурга и Москвы – Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного исторического архива (РГИА), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Отделов рукописей Российской государственной (ОР РГБ) и Российской национальной библиотек (ОР РНБ), Рукописного отдела Института русской литературы Российской Академии наук (РО ИРЛИ РАН), Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), Дома русского зарубежья им. А. И. Солженицына (ДРЗ). Часть документов впервые введена автором в научный оборот.

Следует также отметить широкое использование Д. И. Стоговым материалов повременной печати различных политических направлений (почти три десятка наименований), содержащих порой не менее ценную информацию, чем архивные документы, а также источников личного происхождения – мемуаров, дневников и частной переписки.

В своей работе Д. И. Стогов сумел по-новому взглянуть на многие актуальные проблемы политической истории России 1914–1915 гг. Так, на основании изучения камер-фурьерских журналов, разносных книг корреспонденции, пригласительных билетов на высочайшие приемы и других

источников, автору удалось установить, кого и когда из участников правых салонов Николай II удостоивал аудиенции. Выяснилось, что император более-менее регулярно принимал лишь митрополита Питирима (Оконова) и Б. В. Штюрмера (когда тот возглавлял правительство). «Все остальные лидеры салонов и кружков либо вообще не общались с императором, либо принимались царем и царицей крайне редко» (С. 447). В этом свете представляется вполне справедливым вывод автора, что распространяемый оппозиционной пропагандой слухи о всесии дворцовой «камарильи» не имеют под собой оснований – влияние неформальных структур, в том числе правых кружков и салонов, на политические решения власти в исследуемый период не было не только решающим, но и сколько-нибудь значительным. В то же время Д. И. Стогов признает, что через кружки и салоны император и правительство получали информацию об общественных настроениях (С. 23).

Популярное у оппозиции обвинение в адрес правых – в германофильстве и стремлении к сепаратному миру – не подтверждаются источниками, убедительно доказывает Д. И. Стогов (С. 22, 449). Однако он не отрицает, «что среди корреспондентов графа [С. Д. Шереметева] были лица, перед Первой мировой войной и даже в начале войны (на волне общего патриотического подъема) симпатизировавшие Германии» (С. 186). Справедливо мнение автора о том, что «слухи о якобы имевшем место “сотрудничестве” правоконсервативных политиков с германскими кругами сознательно распространялись либеральными силами с целью дискредитации государственной власти, в том числе и непосредственно царской семьи. Подобного рода слухи должны были подготовить “общественное мнение” в антимонархическом духе» к предстоящей революции (С. 449).

Также не нашли документального подтверждения и слухи о тесной связи правых кружков и салонов с Г. Е. Распутиным. «...Вопреки расхожим представлениям, отношения между организаторами и участниками этих структур и “старцем” были далеко не безоблачными», – пишет Д. И. Стогов (С. 426).

Автор конкретизировал и уточнил сведения, связанные с возникновением тех или иных кружков и салонов, более точно определил персональный и социальный состав их участников, уточнил биографии лидеров и участников этих организаций. Это позволило ему проследить неформальные контакты, как внутри правых салонов и кружков, так и между их участниками и представителями власти. Еще одной причиной такого внимания автора к персоналиям является отсутствие у исследуемых структур (в отличие от политических партий) программных и делопроизводственных документов (уставов, платформ, протоколов заседаний). Исследование биографий и деятельности участников салонов и их организаторов в какой-то степени могут компенсировать недостаток источников по деятельности самих салонов.

Круг вопросов, выносимых на рассмотрение правых кружков и салонов, как указывает автор, был достаточно широк: от проблем внутренней и внешней политики до протектирования своих креатур. Часто также обсуждались вопросы церковной жизни и религии. При этом Д. И. Стогов отмечает, что «правая» политическая ориентация большинства салонов и кружков постепенно размывалась. Особенно это было заметно в последние месяцы перед Февральской революцией. Причиной этого стал общий кризис власти и падение популярности монархической идеологии. Неудивительно, что часть кружков (М. М. Андроникова и Н. Ф. Бурдукова, П. А. Бадмаева) со временем сосредоточили свою деятельность исключительно на протектировании и финансовых махинациях (С. 212, 445). Эти же кружки были и наиболее близки к Г. Е. Распутину (С. 448), с помощью которого пытались добиться своих меркантильных целей. От себя добавим, что назвать их политическими салонами затруднительно, ибо политикой они и прежде не особо занимались. Соответственно, их «правизна» была лишь элементом коммерческой деятельности.

В отличие от перечисленных выше, пишет Д. И. Стогов, кружки и салоны С. С. Игнатьевой, С. Д. Шереметева, Н. Ф. Гейдена, А. А. Римского-

Корсакова и Б. В. Штюмера продолжали отстаивать самодержавие и пытались предложить правительству программу по выходу из кризиса (С. 446). Тем не менее, автор справедливо подмечает процесс, названный им «измельчание» правых кружков и салонов (С. 25, 450), закономерным итогом которого стал кризис и развал последних в начале 1917 г. Некоторые из этих структур прекратили свое существование в связи со смертью организаторов (салоны В. П. Мещерского и Е. В. Богдановича), деятельность других же (салоны С. С. Игнатьевой, кружок графа С. Д. Шереметева, салон Н. Ф. Гейдена, Е. Г. Швартца) постепенно замирала, отражая общий кризис монархического лагеря.

Все положения и выводы в диссертации Д. И. Стогова научно обоснованы и в должной степени аргументированы.

Высоко в целом оценивая диссертационное исследование Д. И. Стогова, следует отменить и некоторые его недочеты. Так, в разделе, посвященном методологии исследования, автор указывает, что основой его «работы является общенаучный системный подход», который, по его мнению, «означает применение... важнейших исторических методов» (С. 18). Думается, что такая инкорпорация специальных методов исследования (к каковым относятся исторические) в общенаучные методы (подходы) противоречит канонам философии науки. К тому же системный подход вовсе не детерминирует применения каких-либо специальных методов, а всего лишь рассматривает объект исследования как систему, то есть совокупность взаимосвязанных элементов, придающую им новое качество.

Некоторые замечания можно сделать и по структуре диссертации. В частности, ее последняя четвертая глава имеет объем всего лишь 13 страниц. Но при этом она разделена на пять (!) параграфов. Думается, что все их следовало бы внести в предыдущую главу в виде одного параграфа. Также полагаю, что название четвертой главы («Правые салоны и кружки, не влиявшие на политику Российской империи») слишком категорично. Возможно, прямое влияние названных структур и не прослеживается, но

нельзя утверждать, что не было косвенного. Например, посетителем салона графа Н. Ф. Гейдена, уделявшего главное внимание религиозной проблематике, являлся член Государственной думы епископ Евлогий (Георгиевский), активно выступавший с думской трибуны именно по церковным вопросам. Таким образом «ликвидация» четвертой главы и перенос ее материалов в предыдущую, где рассматриваются салоны с «низкой степенью влияния», только улучшил бы диссертацию.

Вообще, на наш взгляд, построение работы по проблемному принципу в соответствии с поставленными научными задачами было бы перспективнее, чем разделение диссертации на главы в зависимости от степени влияния правых салонов и кружков. В этом случае решение научных задач, продекларированных автором, не раздробились бы по отдельным параграфам текста. Кроме того, при имеющейся структуре работы каждый кружок рассматривается изолированно от других (в отдельном параграфе), что усложняет изучение их как совокупности элементов единой системы, включающей в себя правоконсервативные группы интересов (группы давления) со свойственными им общими и особенными признаками.

В одном из положений, выносимых на защиту, автор указывает, что правые салоны и кружки стремились «возглавить процесс консолидации монархистов», однако добиться поставленной цели – «сплотить монархистов в единую структуру» – им так и не удалось (С. 25). При этом каких-то явных и настойчивых попыток со стороны неформальных правых структур возглавить процесс объединения монархического лагеря на страницах диссертации мы не видим. Вероятно, потому что сами кружки и салоны представляли собой достаточно аморфные и неформализованные структуры, не имевшие единого центра, способного возглавить процесс консолидации правых. Да и сам автор признает, что «на протяжении предреволюционных лет» эти салоны и кружки сохраняли... второстепенную позицию» в монархическом лагере (С. 443). Эта «второстепенная» позиция в любом случае не позволила бы им встать во главе объединительного процесса. Даже кружок А. А. Римского-Корсакова,

занимавшего видное положение в Союзе русского народа и «Русском собрании», и в который входили лидеры «обновленческого» крыла Союза русского народа Н. Е. Марков, Г. Г. Замысловский, В. П. Соколов, сосредоточил свои усилия на прожектах, посвященных борьбе с революционным движением, в то время как партийные структуры и их лидеры вплоть до начала 1917 г. призывали монархистов к объединению (например, Астраханская народно-монархическая партия и ее председатель Н. Н. Тиханович-Савицкий). Это объясняется различием в характере политической деятельности салонов и партий: если первые были ориентированы на оказание влияния на власть по неформальным каналам, то задачей вторых являлось привлечение на свою сторону широких народных масс, с помощью которых и планировалось оказывать давление на власть. Поэтому добиться объединения правого лагеря пытались именно партийные лидеры, а не завсегдатаи салонов.

Имеются в диссертации и некоторые неточности. Так, давая характеристику различным течениям в правом лагере, Д. И. Стогов пишет, что «умеренно правые выступали за развитие парламентаризма. По их мнению, парламент должен обладать *законосовещательными функциями* (курсив мой, – И. О.)» (С. 14). Однако умеренно-правые, как и националисты (которых автор «с некоторой условностью» также относит к умеренно-правым), признавали *законодательный характер* Государственной думы, что и служило своего рода водоразделом между ними и крайне правыми.

Автор называет И. И. Колышко правоконсервативным публицистом (С. 200), что, думается, также не совсем точно, ибо этот журналист писал одновременно в газетах различных направлений, а часть современников вообще считала, что у него нет убеждений.

Есть в работе и неудачные смысловые конструкции. По мнению автора, правые салоны «формировали общественное мнение при дворе» (С. 25). Возможно, имелось в виду формирование общественного мнения и его влияние на позицию двора? Так же Д. И. Стогов полагает, что «участники правых салонов и кружков воспринимали себя как консервативную элиту,

одновременно являясь элитой в монархическом движении» (С. 443). Это утверждение вызывает целый ряд вопросов. Что в данном контексте означает «консервативная элита»? Консервативная часть политической элиты или элита консервативного движения? Если первое, то можно ли участников салонов относить к политической элите? Ведь ее главный признак – обладание правом принятия политических решений. Если последнее, то тогда очевидно, что элита консервативного движения и элита монархического движения в тот исторический период являются тождественными понятиями.

В работе встречаются и опечатки. Например, на стр. 234: «Агентура охранного отделения сообщала, что Распутин побывал у врача (Бадмаева, – И. О.) 19 раз (октябрь 1914 – декабрь 1916 г.), тогда как царский фаворит посетил доктора за то же время 34 раза» (вероятно, речь в одном из случаев идет об ответных визитах?).

Однако указанные замечания и пожелания не носят принципиальный характер и не снижают в целом весьма высокого научного уровня рецензируемой работы.

Диссертация Д. И. Стогова соответствует паспорту специальности 5.6.1. «Отечественная история», а именно п. 4 («История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов»), п. 5 («История международного положения и внешней политики страны на различных этапах ее развития»), п. 6 («История повседневной жизни различных слоев населения страны на соответствующем этапе ее развития»), п. 7 («История развития различных социальных групп России, их общественно-политической и социально-культурной жизни, а также хозяйственной деятельности»), п. 9 («История общественной мысли»), п. 12 («История развития культуры, науки и образования России, ее регионов и народов»), п. 14 («История политических партий и общественных движений России»), п. 16 («История российских революций»), п. 17 («Личность в российской истории, ее персоналии. История российских элит»), п. 24

(«История государственной и общественной идеологии, общественных настроений и общественного мнения»).

Автореферат диссертации Д. И. Стогова соответствует ее содержанию и основным положениям. По теме диссертации автором опубликовано 95 работ, в том числе две монографии и 22 статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ, а также одна статья в соавторстве.

Диссертация Дмитрия Игоревича Стогова является оригинальной самостоятельной завершенной научно-квалификационной работой. Она отвечает требованиям, установленным п. 9 – 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (с изменениями и дополнениями), а ее автор – Дмитрий Игоревич Стогов заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история.

Официальный оппонент,
доктор исторических наук, доцент,
профессор департамента истории
Института гуманитарных наук
Государственного автономного образовательного учреждения
высшего образования города Москвы
«Московский городской педагогический университет»
Омельянчук Игорь Владимирович
Рабочий адрес: 129226,
г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 3.
Телефон: +7 (499) 181-68-59
Адрес электронной почты: OmelyanchukIV@mgpu.ru

Дата «25» апреля 2025 г.

